

Юлиа Язикова

Семантическая характеристика группы слов в художественном тексте : по повести М. Горького "Трое"

Studia Rossica Posnaniensia 7, 107-125

1975

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЮЛИЯ ЯЗИКОВА

Торький

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППЫ СЛОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(по повести М. Горького *Трое*)¹

Одной из специфических черт горьковского стиля является идейная содержательность и смысловая насыщенность слова, слово в художественном произведении играет важную роль, нередко передавая идею в сфокусированном виде².

При лингвистическом анализе языка писателя обычно обращают внимание на взаимоотношение семантики слов в синтагматическом плане и значительно реже — в парадигматическом. Проследим семантические изменения и под этим вторым углом зрения. Материалом анализа нам послужила группа слов, наиболее тесно связанная с выражением художественной идеи произведения. В повести *Трое* это, в первую очередь, слово *чистый*, семантическое своеобразие которого обусловлено жизненными идеалами главного героя, Ильи Лунева. Подробное описание семантики этого слова уже было дано³, здесь мы остановимся на характеристике его семантической структуры.

Слово *чистый* в тексте повести имеет четыре значения: 1. 'Незагрязненный, содержащийся в опрятности' с оттенками 'выстиранный и еще не бывший в употреблении', 'содержащийся в чистоте, прибранный', 'опрятный, чистоплотный' и 'свежий, без пыли и дурных запахов'. 2. 'Свойственный, присущий привилегированным слоям общества'. 3. 'Звонкий, высокий'. 4. 'Нравственно безупречный' с оттенками 'порядочный, непродажный (о женщинах)', 'достойный человека, идеальный'.

Слово в тексте не имеет многих значений, отмеченных словарями общенародного языка. Показательно, что даже *Словарь русского языка*. С. И. Оже-

¹ Статья примыкает к опубликованной ранее статье *Семантика слова в художественном тексте* („Studia Rossica Posnaniensia” 1974, з. 6) и в известной мере является ее продолжением.

² Об этом писал Е. Б. Тагер в своей книге *Творчество Горького советской эпохи* (Москва 1964). Анализу названной черты стиля писателя посвящено много работ ленинградской школы лексикографов, последователей проф. Б. А. Ларина.

³ См. статью *Семантика слова в художественном тексте*.

гова отмечает восемь значений, а другие — по четырнадцать — шестнадцать. Но главное не в этой, казалось бы, бедности слова. Наибольший интерес представляет своеобразие семантической структуры слова. В общенародном языке семантической основой являются два признака — незагрязненность и отсутствие различных примесей. В тексте повести *чистый* лишено второго признака. Даже при характеристике воздуха, где в общенародном языке доминирующим является признак отсутствия примесей, — в повести основным остается признак незагрязненности, что и обуславливает включение соответствующего оттенка в значение 'незагрязненный' (впрочем, это же мы находим в *Словаре современного русского литературного языка*).

Обращает на себя внимание отсутствие значения 'не тяжелый и не грязный', характеризующего работу, труд. Это тем более интересно, что в мечтах Ильи такая работа — одно из условий идеальной жизни. Возможно, причина в том, что торговля была для Ильи делом более почетным, чем любая работа, к тому же, по его мнению, „лучше хозяином быть”. Иными словами, свою деятельность он не считал работой.

Но основное своеобразие семантической структуры слова в повести состоит в предельно тесной связи всех значений и оттенков с исходным, цементирующим семантическую структуру. Исключение составляет выражение *чистая прибыль*. Не являясь фразеологизмом общенародного языка, в языке повести оно оказывается в изоляции от всех остальных употреблений слова *чистый*, и эта изоляция оправдывает его выделение в качестве внесистемного фразеологизма, тем более что употреблено оно в специфическом контексте. В основной ткани повествования образ рассказчика сближается с Ильей Луновым, а в контексте, о котором идет речь, — с образом Татьяны Автономовой, которая часто употребляет обороты деловой речи. В остальных случаях контексты, содержащие „нелуновское” восприятие *чистого*, содержат элементы спора.

В построении повести *Трое*, как и многих других произведений писателя, важную роль играет антитеза, причем обычно она строится на общеязыковых антонимах. Обратимся к слову *грязный* и рассмотрим его семантику и роль в произведении ⁴.

В общенародном литературном языке *чистый* и *грязный* не обладают полным семантическим параллелизмом ⁵: *чистый* имеет более сложную семантическую структуру, и в качестве антонимов ряду его значений язык использует другие слова. Однако в исходно-номинативном значении *чистый* и *грязный* антонимичны, а роль исходно-номинативного значения в семанти-

⁴ В ходе анализа мы будем обращаться и к словам *грязь*, *грязно*, близким ему семантически.

⁵ Об этом свидетельствует тот факт, что в слове *чистый* современные толковые словари выделяют 16 значений, а в слове *грязный* — 5.

ческой структуре слова очень велика. Антонимичны в общенародном языке и переносные значения, служащие морально-этической оценке, — они очень важны в особых условиях повести, в значительной мере посвященной этическим исканиям героя. Об особой роли *чистого* мы уже говорили. *Грязный*, обозначая все то, от чего стремится уйти герой и что ему ненавистно, также должно играть важную роль.

Чаще всего это слово выступает в исходно-номинативном значении, но получает дополнительную оценочную функцию. Например:

Горбун, живя в городе, стал еще уродливее. Он как-то отсырел в своей работе; глаза у него стали тусклыми, пугливыми, тело точно растаяло в тракторной жаре. Грязная рубашка постоянно всползала на горб, обнажая поясницу (35)⁶.

Оценочная функция номинативного значения создает условия для семантического осложнения слова. Так дом Петрухи Филимонова, в котором живут Илья с дядей, называется серым, грязно-серым, полугнилым, грязным, причем все описания эмоционально окрашены. Постепенно эти признаки сливаются, тем более, что у грязного есть цветовое значение 'серовато-мутный', а *грязный* и *гнилой* сближены ассоциативно. Но дом этот грязен не только из-за пыли, копоти и гнили, — в этом доме царят пьянство, жалкий разврат, его хозяин обокрал умирающего, взяв предназначенные на церковь деньги старика-тряпичника. И поэтому *грязный* включает в себя оценку обитателей и хозяина дома⁷, чему способствует семантическая емкость слова в общенародном языке, а также устойчивая связь в повествовании между грязью и убожеством и даже гнусностью жизни людей. Номинативное значение осложняется переносно-оценочным:

С того дня, как Илья познакомился с Олимпиадой, ему казалось, что дом Филимонова стал еще грязнее и тесней. Эта теснота и грязь вызывали у него чувство физического отвращения, как будто тела его касались холодные, скользкие руки (114).

Или в другом месте:

[...] теперь ему [Илье] вдруг показалось, что без Маши этот дом стал еще грязнее (157).

Без учета широкого контекста слово *грязный*, особенно во втором примере, могло бы восприниматься только в прямом значении.

В другом месте автор перебрасывает мост от конкретного значения слова (в данном случае — существительного *грязь*) к переносно-оценочному:

⁶ М. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. 5, Москва 1950. Здесь и далее цитируется настоящее издание, в скобках указывается страница, купюры в тексте отмечаются знаком [...]. В цитатах сохраняется орфография издания.

⁷ В творчестве М. Горького дом как художественное пространство, где разворачивается действие, выступает воплощением окружающей человека среды. См.: В. А. Зарецкий, *Тема „другой улицы“ в произведениях М. Горького*, „Ученые записки Куйбышевского пединститута“ 1971, вып. 94.

[...] казалось, что дом становится все ниже, точно уходит в землю. Старые ребра выпячивались все более, как будто **грязь**, накопленная в его внутренностях за десятки лет, распирала дом и он уже не мог сдерживать ее. Насквозь пропитанный несчастьями, всю жизнь всасывая пьяные крики, пьяные, горькие песни, расшатанный, избитый ударами ног по доскам его пола, — дом не мог больше жить и медленно разваливался, печально глядя на свет божий тусклыми стеклами окон (44).

В тексте сближаются **грязь**, накопленная в доме за десятки лет, и пропитывающие его несчастья, пьяные крики, песни и пляска, — все, что составляет существо жизни обитателей дома.

При описании иных предметов мы убеждаемся в тесной ассоциации между **грязью** и бедностью. Показательно, что те из персонажей, которые еще не утратили человеческого достоинства, судорожно стремятся к опрятности. В условиях филимоновского дома это стремление служит им спасательным кругом, не позволяющим опуститься на самое дно. Оно равноценно сопротивлению обстоятельствам.

Особенно ярко это проявилось в Илье — главном герое повести. О нем сказано: „Чистота во всем казалась ему необходимым и главным условием порядочной жизни” (74). Поэтому в тех частях текста, где образ рассказчика сливается с образом Ильи, слово *грязный* приобретает дополнительный семантический оттенок, ассоциируясь с беспросветной нуждой и угнетенностью:

Илья видел, что самый работающий человек во дворе — сапожник Перфишка — живет у всех на смеху, замечают его лишь тогда, когда он, пьяный, с гармоникой в руках сидит в трактире или шляется по двору... Но никто не хотел видеть, как осторожно этот Перфишка вытаскивал на крыльцо свою безногую жену, как укладывал спать дочь, покрывая ее поцелуями и строя, для ее потехи, смешные рожи. И никто не смотрел на сапожника, когда он, смеясь и шутя, учил Машу варить обед, убирать комнату, а потом садился работать и шил до поздней ночи, согнувшись в три погибели над худым, **грязным** сапогом (41).

Те же ассоциации **грязного** и жалкого, униженного мы находим в описаниях людей. Так в сцене одаривания детей „игрушками”, собранными на свалке, *грязные ручки* служат средством дополнительной характеристики:

Илья доставал из мешка лоскутки ситца, деревянного солдатика, полинявшего от невзгод, коробку из-под ваксы, помадную банку, чайную чашку без ручки и с выбитым краем.

— Это мне, мне, мне! — раздавались завистливые крики, и маленькие, **грязные** ручки тянулись со всех сторон к редкостным вещам (24).

Применительно к человеку *грязный* употреблено в описании вконец опустившегося сапожника и этим словом усилено впечатление униженности:

Часто заходил к Илье оборванный, полуголый сапожник с неразлучной гармонией под мышкой. [...] Тощий, **грязный** и растрепанный Перфишка жался в двери магазина [...] (208).

Там же, где эти дополнительные ассоциации излишни, писатель прибегает к синонимическим словам и оборотам. Маша, вместе с другими детьми тя-

нувшая *грязные ручки* к игрушкам со свалки, в других случаях описывается так:

Из всех детей во дворе, кроме Ильи, Яков дружил только с семилетней Машкой, дочерью сапожника Перфишки, *чумазой* тоненькой девчонкой [...] (16).

[...] она [Маша] хорошо играла роль хозяйки в своей норе: собирала щепы на постройках, пробовала варить какие-то похлебки и до полудня ходила с подоткнутым подолом, вся *испачканная сажей*, мокрая, озабоченная. А состряпав обед, убирала комнату, мылась, одевала чистое платье и садилась за стол чинить что-нибудь из одежды (54).

Выделенный признак является эмоционально нейтральным, а обозначающие его слова служат целям номинации.

Во внешности другого персонажа, Павла Грачева, этот признак отмечается постоянно. Таким он был в детстве:

Его круглая, задорная рожица вся *испачкана грязью* и сажей; на лбу у него шишка; рубаха рваная, и сквозь ее бесчисленные дыры просвечивает крепкое тело (16).

Таким он описывается и позднее:

Иногда к нему забегал с работы Павел, весь *измазанный грязью*, салом, в прожженной блузе, с черным от копоти лицом (207сл.).

В приведенных описаниях следует остановиться на словосочетаниях *испачканный (измазанный) грязью*. Оба причастия сами по себе передают то же значение, что и *грязный*⁸, поэтому управляемое существительное *грязью* наряду с другими (*сажей, салом*) служит необходимой детализации, но все словосочетание в целом лишено пейоративной окраски, присущей слову *грязный*. Это особенно отчетливо видно во втором случае, который предшествует описанию Перфишки („Тошый, *грязный* и растрепанный Перфишка жался в двери магазина [...]”). Веселый и счастливый Павел решительно не похож на жалкого, спившегося сапожника, угнетенного мыслями о судьбе дочери.

Таким образом, эмоциональная окраска, свойственная слову *грязный* в портрете, представляется достаточно определенной. Однако есть случаи более сложной окраски этого слова. Мы находим его в еще одном описании Павла:

Сын кузнеца шел по тротуару беспечной походкой угляющего человека, руки его были засунуты в карманы дырявых штанов, на плечах болталась не по росту длинная синяя блуза, тоже рваная и *грязная*, большие опорки звучно щелкали каблуками по камню панели. Картуз со сломанным козырьком молодецки сдвинут на левое ухо, половину головы пекло солнце, а лицо и шею Пашки покрывал густой налет маслянистой *грязи* [...] — Каким ты фертом... — сказал Илья. Пашка крепко стиснул его руку и засмеялся. Его зубы и глаза блестели под маской *грязи* весело. [...] Ему [Илье] тоже было приятно видеть старого товарища таким веселым и *чумазым*. Он поглядел на Пашкины опорки, потом на свои новые сапоги, ценою в девять рублей, и самодовольно улыбнулся (75).

⁸ Ср. толкование глаголов *измазать* и *испачкать* в *Словаре русского языка*: 'испачкать, загрязнить' и 'загрязнить, измазать; выпачкать'.

В портрете Павла все дышит задором и бодростью, которыми оказываются заряжены и слова анализируемой группы. Веселая удаль очень точно, хотя и не без доли иронии, охарактеризована Ильей: Каким ты фертом! Но ферт называет развязного франта; *ходить (смотреть, выглядеть) фертом* значит иметь бравый, франтоватый вид, а Павел выглядит далеко не франтовато. Сложное чувство, которое испытал Илья при встрече с давним „товарищем и мучителем”, передано в словах: „ему [...] приятно было видеть старого товарища таким веселым и чумазым”.

Сложная эмоциональная окраска передается и слову *грязный*. Оттенок пренебрежительности ослабевает, хотя и не исчезает. Он ослаблен общим тоном контекста, заданным, по-видимому, образом Павла: Павлу свойственно безразличие к своему внешнему виду, так удивлявшее Илью.

Грязь прочно ассоциируется в повести с нищетой, но оценка грязи социально окрашена. В авторской речи, где нарратор сближается с образом Ильи, *грязный* содержит элементы не только сочувствия (обычно снисходительного) к людям, но и гнев против условий их жизни. В речи Татьяны Автономовой, персонажа, наиболее полно воплотившего в себе духовные черты мира собственников, *грязный* получает отчетливую презрительную окраску:

[Татьяна] серьезно продолжала поучать его [Илья]: — Но будет лучше, если ты прекратишь сношения с твоими старыми знакомыми. Теперь они уже не пара тебе... и даже могут сконфузить тебя. Все они *грязные*, грубые... например, этот, который занимал денег у тебя? Худой такой?... Злые глаза?... — Грачев? — Ну да... (202).

Пример, приведенный Автономовой, показывает, что слово *грязный* употреблено в прямом значении. У Татьяны эта черта внешности человека — свидетельство его принадлежности к „низшему” миру трудящихся бедняков, „простолюдинов” и вызывает в ней презрение, а не сочувственное или хотя бы снисходительное сожаление, как в Илье.

Грязный является оценочным даже при описании помещений. Наиболее ярко это проявляется при описании жилища сапожника. Подвал, в котором тот живет, темный и тесный, чаще всего в тексте так и называется — подвалом (см. стр. 14, 53, 81, 110, 112, 123), в более эмоциональных описаниях — норой (стр. 54) или ямой (стр. 78, 124, 159). И только один раз появляется определение — *грязный*. Илья узнает, что дочь сапожника Машу выдали замуж за старого лавочника:

Ему было странно думать, что в этой тесной, *грязной* яме никогда уже не появится Маша, да и Перфяшку скоро прогонят отсюда (159).

Для сравнения обратимся к другому описанию, в котором та же реалья, но эмоциональный тон иной:

В этой яме, стиснутой полугнилыми стенами, накрытой тяжелым низким потолком, всегда чувствовался недостаток воздуха, света, но в ней было весело и каждый вечер рождалось много хороших чувств и наивных, юных мыслей (78).

Таким образом, употребленное в прямом номинативном значении, слово *грязный* в повести приобретает негативную эмоциональную окраску, отсутствующую у него в общенародном языке (впрочем, сама семантика слова способствует появлению у него окказиональной эмоциональной окраски и в узуальном употреблении, а в переносном значении она включается в семантику слова⁹).

В переносном употреблении *грязный* выступает значительно реже и обычно сохраняет настолько тесную связь с исходно-номинативным значением, что можно говорить об образном употреблении слова. Минимальные контексты узуальны, но по мере их увеличения происходит усиление прямого значения, возрастание образности. Проиллюстрируем приведенный тезис:

Илья вздрагивал, думая о том, что так жить нельзя, нельзя! Надо уйти куда-нибудь от всей этой грязной суеты и склоки, надо жить одному, чисто, тихо... (88).

Этому выводу героя предшествует описание холодного осеннего вечера и, что еще важнее, — картины человеческой подлости и унижения:

А память все выдвигала перед ним знакомые образы. Большая, неуклюжая Матица валялась в грязи среди двора и стонала: — Ма-атинко!... Ма-атинко ридна! Коли б ти мини баачила! — Пьяньский Перфишка стоял около нее, покачиваясь на ногах [...] А с крыльца смотрел на них, презрительно улыбаясь, Петруха, здоровый и румяный (87).

Приведенная сцена обобщает жизненные впечатления, связанные с домом, где хозяин построил свое благополучие на воровстве и подлости, а лучшие из обитателей дома, живущие в нищете и грязи, — большая проститутка и пьяница сапожник. И мы вспоминаем о грязи, пронизавшей все поры этого дома. Не случайно решение Ильи „Надо уйти куда-нибудь” приводит его к переезду на новую квартиру¹⁰.

С большей степенью обобщения и отрыва от исходно-номинативного значения мы встречаемся в таком случае употребления *грязного*:

Долго в эту ночь он [Илья] ходил по улицам города, нося с собой неотвязную и несложную, тяжелую думу свою. Ходил во тьме и думал, что за ним точно следит кто-то, враг ему, и неощутимо толкает туда, где хуже, скучнее, показывает ему только такое, от чего душа болит тоской и в сердце зарождается злоба. Ведь есть же на свете хорошее, — хорошие люди, и случаи, и веселье? Почему он не видит их, а всюду сталкивается только с дурным и скучным. Кто направляет его на темное, *грязное* и злое? (96).

Большая абстрактность значения, выразившаяся в его отрыве от значения номинативного, связана, по-видимому, и с субстантивацией прилагательного

⁹ Ср. определения в *Толковом словаре русского языка* под ред. проф. Д. Н. Ушакова и в четырехтомном *Словаре русского языка*: 'Вызывающий моральное отвращение, непристойный, гнусный'.

¹⁰ О тесной связи пространства действия и среды в художественной системе М. Горького пишет В. А. Зарецкий в цитированной выше статье *Тема „другой улицы” в произведениях М. Горького*.

в форме среднего рода. Показательно, что антонимом *темному, грязному и злему* выступает *хорошее* („Ведь есть же на свете хорошее”), в предельно обобщенной степени обозначающее положительное начало, а не более распространенный в тексте повести антоним *чистый*¹¹.

Но это единственный случай отрыва переносного значения от прямого. Остальные факты свидетельствуют о своеобразном размывании границ между значениями, особенно в широком контексте, а в некоторых случаях трудно четко определить, в прямом или переносном значении употреблено слово. Например:

Но иногда он [Илья], приходя к ней [Олимпиаде], заставлял ее в постели, лежащую, с бледным измятым лицом, с растрепанными волосами, — тогда в груди его зарождалось чувство брезгливости к этой женщине, он смотрел в ее мутные, как бы слинявшие глаза сурово, молча, не находя в себе даже желания сказать ей „здравствуй”. [...] Розовая от холодной воды, чистая, крепкая и спокойная, она властно уводила за собой Илью, и он шел за нею и думал: ее ли это, час тому назад, он видел измятой, захватанной грязными руками? (109сл.).

Контекст и ситуация не позволяют нам воспринимать *грязный* только в одном из значений.

Наконец, даже в тех случаях, когда слово употреблено в прямом значении, оно приобретает в широком контексте значение символическое. Такой тип употребления можно вслед за С. В. Бековой назвать эстетически номинативным, значение этого типа возникает в контексте целого, а вне его совпадает с нейтрально-номинативным¹².

Таким образом, в тексте повести мы не находим четкого разделения значений слова *грязный* на прямые и переносные. Промежуточным звеном между ними оказывается эмоциональная окраска, присущая слову и порожденная художественной системой произведения. Дополнительный смысловой оттенок, вызванный эмоциональной окраской слова, бывает настолько ярким, что делает невозможным применение слова не только к человеку, но даже предмету, особенно если этот предмет — книга:

Они [Илья, Яков и Маша] доставали растрепанную и испачканную книжку и читали о страданиях и подвигах любви (57).

В приведенном контексте замена слова *испачканный* его общезыковым синонимом невозможна, в *грязной книге* могло говориться не о „страданиях и подвигах любви”, а о совершенно противоположном¹³.

¹¹ Ср. основной семантический признак слова *хороший*, выделяемый современными толковыми словарями, „обладающий положительными качествами или свойствами”.

¹² С. В. Бекова, *К проблеме идеологического словаря писателя*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ленинград 1973, стр. 12 и сл.

¹³ Ср. оценку Льва Толстого: *Bel-Ami* очень грязная книга (Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана). Пример заимствован из Словарной картотеки АН СССР в Ленинграде.

Итак, в системе данного текста пейоративная окраска слова *грязный* осложняет его семантику, что наиболее отчетливо проявляется в сочетании с такими важными для горьковской системы словами, как наименования человека или слово *книга*.

Проанализированный нами материал показал, что у слова *грязный* мы можем выделить два значения: 1. 'Запачканный, нечистый; покрытый, пропитанный грязью'. 2. перен.'Отталкивающий, низменный'. В тексте повести слово не имеет других значений, свойственных общенародному языку (хотя цветное значение, как отмечалось выше, присутствует в нем имплицитно). Формулировка переносного значения, заимствованная у Г. А. Лилич¹⁴, отличается от даваемых в общенародных толковых словарях не только словесно. Признаки 'непристойный, гнусный' в тексте повести опускаются, а на первый план выдвигается признак 'отталкивающий' — иными словами, усиливается признак, характеризующий реакцию говорящего.

Если говорить о взаимоотношениях значений, то, как и у *чистого*, бросается в глаза их тесная взаимосвязанность. Негативная эмоциональная окраска, постоянная в прямом значении, осложняет его семантику и вносит элемент символичности, а употребление переносного значения в образных контекстах подчеркивает его производность от прямого. Случаи семантической диффузии еще усугубляют смысловую спаянность слова. Тесную взаимосвязь элементов семантической структуры слова подчеркивает и фразеологизм *грязное слово*. Его значение вытекает из контекста:

Однажды, за картами, он [Илья] уличил Машу в плутовстве и в ярости крикнул ей: — Яшкина любовница! — А затем прибавил еще одно грязное слово, значение которого было известно ему (55).

Отсутствие этого выражения в общенародном языке¹⁵ придает ему свойства фразеологизма художественной речи, который воспринимается читателем как соединение уже известных слов в новой комбинации. В приведенном контексте слово *грязный* выступает не только в значении 'циничный, нецензурный', но и 'оскорбительный для репутации', и благодаря этому, через связь с признаком 'марающий, пачкающий репутацию', обнаруживается связь с исходным значением и цементирующим семантическую структуру признаком.

Если сравнить употребление слова *грязный* в повести *Трое* и в других произведениях писателя, то мы обнаружим характерную для повести более узкую его сочетаемость в переносном значении. Казалось бы, в повести, где герой открывает один за другим уровни низости общества, *грязный* в применении

¹⁴ См. Г. А. Лилич, *Развитие обобщенно-символического значения у слов грязь — грязный в произведениях М. Горького*. В сб.: *Словоупотребление и стиль М. Горького*, Ленинград 1968, стр. 78.

¹⁵ Этот фразеологизм не зафиксирован ни в словарях литературного языка, ни в отражающем народно-разговорную речь *Толковом словаре живого великорусского языка* В. Даля.

к людям и образу их жизни должно употребляться часто. Но этого нет. Вместо *грязного* употребляются слова *поганый* и *паскудный*, оба стилистически маркированные. Они антонимичны *чистому* и нередко противопоставляются ему в контексте:

— Лучше уж ей быть голодной, да чистой, чем... [...] чем и поганой и голодной (92) [размышляет проститутка Матица о судьбе Маши].

В других случаях эта антонимичность дана не столь отчетливо. Порой автор противопоставляет эти слова, отделенные друг от друга текстом, но связанные единством описываемого персонажа:

Когда Лунев понял, что в деле с магазином Татьяна Власьевна ловко обошла его, он почувствовал что-то похожее на отвращение к ней. „Кабы она была мне чужой человек, — ну, пускай! — думалось ему. — Все стараются друг друга обманывать... Но ведь она — вроде жены... целует, ласкает... Кошка поганая! Эдак-то только гулящие девки делают... да и то не все... (213).

Когда-то она казалась ему воплощенным идеалом женщины. Мысленно называя ее чистой, он противопоставлял „порядочную“, замужнюю Татьяну содержанке Олимпиаде¹⁶. Теперь именно Олимпиаду он противопоставляет „кошке поганой“: Олимпиада в отношении к нему была чистой и бескорыстной, Татьяна даже свои ласки пускает в оборот, делая их средством обогащения.

Так антонимичным оттенку переносного значения слова *чистый* — ‘порядочный, непродажный (о женщине)’ выступает слово *поганый*. Оно же антонимично и самому переносному значению ‘нравственно безупречный’:

— Знаешь... я — поганый человек, — сказал Лунев, голос у него дрогнул: сказать ей или не говорить [об убийстве]? (124).

Ср.: Ему было жалко Якова, и в нем снова вскипала злоба на дядю и Петруху, на всех людей. Среди них нельзя жить такому человеку, как Яков, а Яков был хороший человек, добрый, тихий, чистый. Илья думал о людях, память подсказывала ему разные случаи, рисовавшие людей злыми, жестокими, лживыми (96).

В качестве антонимов слову *чистый* при характеристике образа жизни людей (‘достойный человека, идеальный’) выступают слова *паскудный*, *поганый* и *темный*:

Когда ты смотришь на меня сердито... чистенький мой... чувствую я паскудную жизнь свою... [Олимпиада Илье] (133).

— Испортите вы девчонку раньше время, и пойдет она тогда моей дорогой... А моя дорога — поганая и проклятая... не ходят по ней бабы и девки, а, как черви, ползут... [Матица Илье] (91).

¹⁶ Ср. ранее о той же Татьяне: „женщина образованная, мужняя жена, а не содержанка, чистая, тонкая, настоящая барыня” (176), „На него обратила внимание настоящая женщина — чистая, образованная, мужняя жена” (194). Если учесть, что именно за опрятность и щегольство Илья называл „чистой” Олимпиаду, то станет ясно, что в приведенных примерах Татьяна выделяет не этот признак, а оценка социально-этическая.

В обоих случаях имеется в виду жизнь проституток, оцениваемая ими самими.

В размышлениях Ильи выступает иное определение жизни — темная, противопоставленное чистой жизни:

И он подумал, что если б дядя предложил ему тысячу рублей, — он сразу перестроил бы свою беспокойную, темную жизнь на жизнь чистую, которая текла бы вдали от людей, в покойном одиночестве... (113сл.).

Семантическая емкость определений-антонимов равноценна и включает в себя очень богатое содержание. Если чистый обобщенно передает всю сложность мечты об идеальной, счастливой жизни, то темный суммирует все прожитое Ильей и выражает его недовольство своей жизнью.

Более обобщенно, а следовательно — и более четко значение слова темный в другом контексте:

[...] рассказы о действительной жизни, о быте простонародья он [Илья] находил скучными и неверными. Порою они смешили его, но чаще казалось, что эти рассказы пишутся хитрыми людьми, которые хотят прикрасить темную, тяжелую жизнь (180).

Тут нет смыслового богатства, порожденного индивидуальным единичным фактом, подробно описанным, и ослаблена антонимическая связь с выражением *чистая жизнь*, о семантической сложности которого уже не раз говорилось.

Выше мы отмечали стилистическую маркированность слов *поганый* и *паскудный*. Оба они употребляются в прямой речи персонажей, людей необразованных, резко отрицательно оценивающих явления. И, возможно, поэтому в тексте повести их эмоциональная окраска практически одинакова, хотя в общенародном литературном языке *поганый* расценивается как разговорное слово, тогда как *паскудный* — как грубо-просторечное¹⁷. Различаются они более узкой сочетаемостью слова *паскудный*.

Слово темный в общем языке стилистически нейтрально, но в тексте повести, благодаря употреблению в несобственно-прямой речи Ильи и по контрасту с *чистым*, оно приобретает контекстуальную эмоциональную окраску.

Очень важную роль в повести играет один из периферийных членов группы — слово *душный*. Оно не соотносится со словом *грязный* непосредственно, так как его основному значению 'со спертым, несвежим воздухом, затрудняющим дыхание (о помещении)' — нет аналога в *грязном*. Однако при характеристике воздуха слова *душный* и *чистый* вступают в антонимические отношения. Ср. например:

¹⁷ Нужно сказать, что стилистические пометы разг. и грубо-простор. оценивают не только сферу употребления слова, но и явление, т.е. выступают и как эмоционально оценочные.

Было в лугах тихо, ласково и чувствовалось, что воздух там чистый, прозрачный и сладко пахучий, а здесь душно от запаха преющего мусора; запах этот давил грудь, щипал в носу [...] (21сл.)¹⁸.

Нетрудно убедиться, что *душный* включает в себя дополнительный признак, выраженный в противопоставленной части антитезы словосочетанием *сладко пахучий*.

Душный, *чистый* и даже *грязный* выступают членами одной синонимической ситуации при описании рыбной лавки, куда Илью отдали „в мальчишки”:

Густой запах тузлука стоял в воздухе, в лавке было душно, тесно. [...] Илью стал занимать вопрос: зачем этот богатый, почетный человек торчит целый день в грязной лавке и дышит кислым, едким запахом соленой рыбы, когда у него есть такой большой, чистый дом? (60 и 62).

Правда, и в данном случае признак запаха выделен особо, но сближение этих слов происходит.

Далее, *душный* употребляется в переносном значении, называя общую атмосферу в доме околоточного, причем здесь оно также связано со словом *чистый*, а точнее — с выражением *чистая жизнь* благодаря единству синонимической ситуации:

Чем более присматривался Илья к благополучной жизни своих хозяев, тем более нравились они ему. Все у них было чисто, крепко, все делалось спокойно, и они, видимо, любили друг друга. [...] По вечерам, сидя у себя, Лунев прислушивался к разговору хозяев и думал: „Вот как надо жить...” [...] Илья слушал, и вдруг его охватывала непонятная, тяжелая скука. Становилось душно в маленькой голубой комнате, он беспокойно осматривал ее, как бы отыскивая причину скуки, и, чувствуя, что не может больше выносить тяжести в груди, уходил к Олимпиаде или гулял по улицам (169сл.).

И позже:

Бок о бок с этими людьми, отделенный от чистой и спокойной жизни тонкой стеной, он все чаще испытывал приступы тяжелой скуки (180).

Нужно сказать, что *душный*, употребляясь в переносном значении, не утрачивает хотя бы намек на прямое. Для анализируемой группы в тексте повести это постоянный прием: сначала слово употреблено в прямом номинативном значении, затем на него наслаивается переносное. Дальнейшее семантическое развитие идет по разным путям. *Чистый* употребляется только в переносном значении, и прямое возникает лишь в самом конце. *Грязный* по преимуществу употребляется в прямом значении до самого конца. Что касается *душного*, то оно употребляется снова в прямом („В комнате, несмотря

¹⁸ Мы условно рассматриваем категорию состояния как форму прилагательного, потому что в тексте их лексические значения аналогичны, а различия порождены морфолого-синтаксическими особенностями.

на открытое окно, было *душно*” (245), но символический смысл сохраняется, о чем свидетельствует более широкий контекст. И затем, в самом конце повести слово употреблено в символической картине ночного неба:

Когда ночная тьма и сырость охватили Лунева, он глубоко вздохнул, остановился и посмотрел в небо, почти черное, низко опустившееся к земле, похожее на потолок тесной и *душной* комнаты (288сл).

Символика картины еще раз напоминает нам о мечте Ильи жить в уютной, чистой и светлой комнате. Контекст осложняет прямое значение слова, придавая ему дополнительный оттенок ‘гнетущий’.

Анализ *душного* показал, что границы парадигматически связанных слов могут быть иными, группа включает в себя новые слова, а их общая функция в художественном языке отражается на их семантике и парадигматических отношениях.

Поставив перед собой задачу выяснить соотношение слов *чистый* и *грязный*, мы увидели, что их функция в тексте повести аналогична, что оба они оказываются эмоционально окрашенными, но отличаются семантическим объемом и сочетаемостью.

Чистому в значении ‘незагрязненный, содержащийся в опрятности’ антонимично *грязный*, а также лишённые эмоциональной окраски *чумазый*, *испачканный*, *измазанный*, оттенку значения ‘свежий, без пыли и дурных запахов’ антонимично *душный*, значению ‘нравственно безупречный’ антонимично слово *поганый*, оттенку ‘достойный человека, идеальный’ — *темный*, *поганый*, *паскудный*, оттенку ‘порядочный, непродажный (о женщинах)’ — *поганый*. Иные значения и оттенки не получают антонимов в тексте повести.

После такого сопоставления *чистого* с антонимами следует сопоставить его со словами, выступающими в качестве синонимов или квазисинонимов, передающих только существенные признаки семантики, а не весь их набор.

Наибольший интерес представляют определения к слову *жизнь*, выступающие в том же значении ‘достойный человека, идеальный’. Наиболее близким данной синонимической ситуации оказывается *порядочный*. Тесная связь между ними обнаруживается уже при первом употреблении слова *порядочный*:

Его мечты принимали простые и ясные формы: он представлял себя чрез несколько лет хозяином маленькой, чистой лавочки, где-нибудь на хорошей, не очень шумной улице города, а в лавке у него — легкий и чистый галантерейный товар, который не пачкает, не портит одежды. Сам он тоже чистый, здоровый, красивый. Все в улице уважают его, девушки смотрят ласковыми глазами. Вечером, закрыв лавку, он сидит в чистой, светлой комнате, пьет чай и читает книжку. Чистота во всем казалась ему необходимым и главным условием *порядочной* жизни (74).

Не случайна тут очень высокая частотность слова *чистый* (*чистенький*) — она подготавливает обобщающую заключительную фразу.

Но и в другом случае, когда Илья подводит итог прожитой жизни, итог своих исканий, он вновь связывает эти слова:

Я *порядочной* жизни искал, *чистой*... нигде ее нет! (285).

Отношения пояснения, в которых находятся эти два слова, позволяют нам уточнить смысл и выражения *чистая жизнь* и слова *порядочный*.

Но Илья знает и другой смысл слова *порядочный*. В повести *порядочный* в другом, социально окрашенном значении связано с Татьяной Автономовой.

Иногда она учила его:

— Тебе пора бросить эти ситцевые рубашки: *порядочный* человек должен носить полотняное белье... [...] И не говори — коли, надо говорить — если. Коли, теперя, седни — это все мужичкикие выражения, а ты уже не мужик (212).

Илья четко противопоставляет эти два значения *порядочного* и не принимает второго, которое *Словарь русского языка* в 4 томах сопровождает таким замечанием: „В представлении буржуазно-дворянских слоев общества”.

Она попрежнему все рассказывала ему о жизни людей ее круга, и однажды Илья заметил:

— Коли все это правду говоришь, Татьяна, так *ваша порядочная жизнь* ни к чорту не годится (211сл.).

Нужно отметить, что отчуждающее местоимение *ваша* дважды употреблено в аналогичной конструкции, и оба раза в речи Ильи, оценивающего жизнь привилегированных слоев общества, причем в другом месте он говорит:

— Не ждал я, что в *вашей чистой жизни* такие порядки... (197).

Полный параллелизм ситуации и контекста усиливает параллелизм семантики прилагательных, выступающих в значении ‘свойственный привилегированным слоям общества’.

Возможность понимания *порядочной жизни* в двух смыслах и заставляет Илью внести необходимое уточнение („Я *порядочной жизни* искал, *чистой*...”), тем более необходимое, что обращается он к людям, которые *порядочную жизнь* понимают как жизнь сытую, удобную и веселую.

Другим синонимом *чистого* в повести выступает *настоящий*. Как и *порядочный*, это слово не имеет в повести особого значения, не зафиксированного словарями общенародного языка. Как и *порядочный*, оно синонимично *чистому* в качестве определения к слову *жизнь*, служа обозначением идеальной, образцовой, даже праведной жизни. В *чистом* подчеркивается и сохраняется связь с исходно-номинативным значением, в *порядочном* и *настоящем*, в силу специфики их семантики (отсутствует значение вещно-конкретное), оценочное значение оказывается менее конкретизированным, более обобщенно называет явление. Но и в *настоящем* связь данного значения с исходным ‘натуральный’ проводится непосредственно в тексте:

Он принес из погребка настоящего шампанского, заплатив за бутылку семь рублей. [...]

Она [Автономова] укоризненно покачала головой и, рассмотрев бутылку, с укором сказала: — Рублей пять? Ай, как это непрактично! Лунев, счастливый и умиленный, стоял перед ней и улыбался. — Настоящее! — сказал он, полный радости. — В первый раз в жизни моей настоящего хлебу! Какая жизнь была у меня? Вся — фальшивая... грязь, грубость, теснота... обида для сердца... Разве этим можно жить? — Я с малых лет настоящего искал, а жил... как щепка в ручье... бросало меня из стороны в сторону... и все вокруг меня было мутное, грязное, беспокойное. Пристать не к чему... И вот — бросило меня к вам. Вижу — первый раз в жизни! — живут люди тихо, чисто, в любви... (186сл.).

В этом монологе-исповеди Ильи слово *настоящее* от более конкретного значения 'натуральный, не поддельный' переходит к более отвлеченному и оценочному 'истинный, подлинный' (ср. противопоставление настоящему фальшивой жизни, окружавшей героя до сих пор). Далее, при описании аллегорической картинки, воспринимаемой Ильей как наглядное изображение идеальной жизни, мы читаем:

Сидя за самоваром, Илья поглядывал на картину, и ему приятно было видеть жизнь человека, размеренную так аккуратно и просто. От картины веяло спокойствием, яркие краски ее улыбались, словно уверяя, что ими мудро написана, для примера людям, *настоящая* жизнь, именно так написана, как она и должна идти (205сл.).

В этом случае *настоящий* приобретает значение 'такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-л.'¹⁹

Именно в этом значении оно вступает в отношение тождества со словом *чистый*:

А потом всю смуту в душе его, все противоречия покрывала собою радостная дума о том, что теперь *настоящая, чистая* жизнь скоро начнется для него (195).

Мы уже и раньше встретились со случаем сближения слов *настоящий* и *чистый* (в форме наречия *чисто*), но здесь такая связь дана предельно четко.

В той же синонимической ситуации употреблено и прилагательное *хороший*. Будучи наиболее обобщенным в своей семантике, это слово называет идеал Ильи в отвлечении от той конкретной основы, которая дана в слове *чистый* (чистая жизнь). Показательно, что появляется оно тогда, когда Илья переживает разочарование в „чистой жизни“, само слово *чистый* даже в конкретном значении получает в тексте пейоративный оттенок и ассоциируется со скукой. Поэтому нет текстуального сближения чистой и хорошей жизни, а словосочетание *хорошая жизнь* приходит как бы на смену *чистой жизни*:

Потом ощущение одиночества и тоска о *хорошей* жизни снова утопали в равнодушии ко всему [...] (257).

¹⁹ Характерно, что в антитезе этому идеалу выступают слова *душный* и *тесный*. Идеалу чистоты в мечтах Ильи сопутствует как необходимый и важный признак — простор. Противоположный ему признак тесноты ассоциируется не только с духотой, но и грязью.

Итак, для обозначения мечты Ильи об идеальной жизни используются прилагательные *чистый*, *порядочный*, *настоящий*, *хороший*. Выступая членами одной синонимической ситуации, они вместе с тем не тождественны семантически, так что было бы оправданно употребление термина квазисинонимы. В *чистом* сфокусированы мечты Ильи о достойной, праведной жизни, которая в одном случае формулируется так: „жить честно и безобидно для людей” (149). Думается, что эти слова наиболее полно передают луневское понимание чистоты жизни как освобожденность от эгоистического (чему противостоят, делая в известной мере противоречивым этот идеал, такие определения, как „чистая и спокойная жизнь” (180), „жить чисто, тихо” (88) и тем более „спокойная, сытая и чистая жизнь” (74)). Илья мыслит себе такую жизнь только в достойных человека условиях, в том числе и в чистоте окружающей обстановки. Отсюда семантическая сложность прилагательного. *Порядочный* оказывается двузначным, включая в себя и социально окрашенное значение, которое выступает скорее как антитеза рассматриваемому нами значению. В результате слово становится внутренне антонимичным: жизнь „порядочного общества” не может быть названа порядочной. Семантическая эволюция настоящего находится в полном соответствии с иерархией значений этого слова в общенародном языке. Как и *порядочный*, оно имеет более обобщенное значение и не передает идеал Ильи во всей его полноте. Наконец, *хороший* оказывается семантически наиболее общим и не случайно выступает в повести в момент разочарования Лунева в своем идеале.

„Его требования к жизни, к собственному бытию резко расходятся с тем, что навязывают ему социальные связи, которыми он сам же себя окружил”²⁰, и эта трагедия находит частичное отражение в осмыслении слов *порядочный*, *настоящий* столь разными по своему социально-психологическому складу людьми, как Илья и Татьяна. Именно эти социально-психологические различия приводят и к диалогам-недоразумениям между ними, и к предпочтению, оказываемому Ильей слову *чистый* (об этом говорит прежде всего тот факт, что оно выступает уточняющим синонимом при словах *порядочный* и *настоящий*, ср. „я порядочной жизни искал, чистой” (285), „ведь где-нибудь что-нибудь настоящее ... чистое есть или нет? (199)). Разочарование в возможности чистой жизни выражено и лексически: вместо предельно конкретного слова *чистый* выступает *хороший*, передающее идею в самом отвлеченном виде.

В качестве уточняюще-поясняющего при *чистом* (в значении ‘порядочный, непродажный’) выступает дважды словосочетание *мужняя жена*:

Ему было приятно: сидит с ним женщина образованная, *мужняя жена*, а не содержанка, *чистая*, тонкая, настоящая барыня (176, то же 194).

²⁰ В. А. Зарецкий, указ. соч., с. 12.

Разумеется, в обоих случаях синонимичны словосочетания *чистая женщина* и *мужняя жена*.

Синонимом чистому в значении 'опрятный, чистоплотный' выступает *опрятный*. Между ними нет разницы ни в семантике, ни в сочетаемости, различаются они частотой употребления, да тем, что в предложении „[Илья] всегда был одет опрятнее других” (93) мы имели дело с наречием.

Прилагательное *белый* не является синонимом *чистому* в узуальном употреблении, однако в контексте повести *белый* выступает в значении 'незагрязненный, содержащийся в опрятности':

Следователь — потер свои худые белые руки [...] (137).

Он [Илья] круто повернулся на стуле от злости к этому человеку в ослепительно белой рубашке, к его тонким пальцам с чистыми ногтями [...] (140).

В обоих случаях в прилагательном затушевывается цветовое значение и на первый план выступает признак, делающий его синонимичным *чистому*. Это подтверждается всей картиной чистоты в кабинете следователя и выводом Ильи „живет, как конфетка в коробочке” (142).

Мы увидели, что *чистый* имеет синонимы к значению, в котором наиболее полно выразился жизненный идеал главного героя, в остальных случаях синонимический ряд беден. Думается, что последнее обусловлено особой ролью *чистого* в контексте повести, при котором частота его употребления оказывается средством семантического обогащения и осложнения слова.

Итак, анализируя семантику слова, тесно связанного с выражением художественной идеи, мы пришли к необходимости рассмотреть лексико-семантическую группу слов, связанных синонимо-антонимическими отношениями²¹. Члены этой группы находятся в сложных взаимоотношениях, причем семантическая емкость и идейно-содержательная значимость *чистого* выделяют его на особое место, делая несомненно доминирующим членом группы.

Типичная для горьковского языка тесная связанность разных значений слова устанавливает в группе особые отношения, отличные от отношений между членами лексико-семантической группы в общенародном языке. Там слова в разных значениях как бы разрываются и оказываются включенными в различные синонимические и антонимические группы — в тексте повести благодаря взаимодействию и взаимопереходу значений внутри слова подобное разделения по крайней мере для ядра группы невозможно. Причем это распространяется не только на ключевой член группы, но и на такие, в общем-то периферийные члены, как *настоящий*, *порядочный* или *душный*, где взаимодействие разных значений также создает особый художественный эффект.

Другой чертой, общей для семантики слов анализируемой группы в тексте повести, является движение от более конкретного к более общему значению,

²¹ Включение антонимов вызвано типичным для языковой манеры М. Горького приемом использования антитезы в построении повести.

обусловленное развитием сюжета ²². Однако мы не можем говорить о полном параллелизме, так как подобная семантическая эволюция наиболее ярка в слове *чистый*, которое во второй половине повести уже не употребляется в прямом значении, послужившем фундаментом для формирования переносного ²³, тогда как другие члены группы, в первую очередь *грязный*, также вырабатывающие переносные значения на основе исходно-номинативных, продолжают употребляться и в исходных значениях при изображении реальных картин окружающей героя действительности.

Различно и соотношение основных членов антонимических подгрупп между собой и с синонимичными им словами.

Грязный практически не может считаться доминантой в своей подгруппе, оно выступает одним из членов ряда, ярко окрашенным эмоционально в прямом номинативном значении, что исключает его употребление в условиях нейтральной номинации. В переносном значении оно почти не выступает аналогом *чистому*, антонимичны ему другие слова. И все-таки именно *грязный* объединяет подгруппу, будучи наиболее богатым семантически и наиболее полно характеризующим явления. Образные и диффузные употребления *грязного* сохраняют и поддерживают его связь с *чистым*, заданную общенародным языком. Семантика же этих слов оказывается не параллельной, а пересекающейся, сближающейся в отдельных точках.

Чистый в группе синонимичных ему слов выступает в роли доминанты, будучи значительно богаче и сложнее семантически. Нередко эти слова вступают в пояснительно-уточнительные отношения, причем в зависимости от условий контекста уточняющим может быть и *чистый* и подчиненные ему *порядочный*, *настоящий* и др. Семантическая емкость чистого приводит к тому, что оно практически покрывает значения синонимичных ему слов, оставляя за ними иные специфические черты, в том числе и меньшую семантическую конкретность, которая в определенных контекстах играет существенную роль.

Наконец, вся синонимико-антонимическая группа объединена словом *чистый*, которое и семантической сложностью и единством семантической структуры цементирует группу. Остальные слова, в том числе и *грязный*, оказываются в подчиненном положении, потому что охватывают только часть семантики *чистого*, будучи ему синонимичными или антонимичными.

Своеобразие текста повести выделяет на особое место прилагательное *чистый*, делая его основным в выражении авторской идеи, ставя остальные слова, связанные с ним семантически, в положение подчиненных. Именно *чистый* объединяет группу, благодаря связи с ним в общенародном языке прилагательное *грязный* приобретает особую роль в своей подгруппе.

²² Этот тезис распространяется на слова с конкретным исходно-номинативным значением, типа *чистый*, *грязный*, *душный* и, естественно, не касается слов типа *порядочный*.

²³ Подробно об этом говорилось в статье *Семантика слова в художественном тексте*.

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE GROUP OF WORDS IN
THE LITERARY TEXT

(In Gorkiy's story *The Three*)

by

YULIA YAZHIKOVA

Summary

The article examines the semantics of synonymo-antonymous groups of words connected with one of the important themes of the story — the theme of purity and filth. Semantic structure of the words entering this group is contrasted to the semantic structure of the same words in the common language. As a result of this contrast, the author proves that some semantic features are common to the words of the given group and that the word „clean” unquestionably plays the main role with other words subordinated to it.